

Брайан Хоровиц (Новый Орлеан)

РЕФЛЕКСИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ:

ПОЗИЦИЯ М.О. ГЕРШЕНЗОНА В «ПЕРЕПИСКЕ ИЗ ДВУХ УГЛОВ»

«Переписка из двух углов» (Петербург: Алконост, 1921) Вячеслава Иванова и Михаила Гершензона, классический образец русской мысли начала двадцатого века, в прошлом преимущественно рассматривалась в контексте жизненного пути и интеллектуальной эволюции Вячеслава Иванова¹. Хотя из двоих этих мыслителей Иванов был влиятельнее, но несомненно, что и позиция Гершензона и изложена с блеском и сама по себе исключительно важна. «Переписка из двух углов» представляет собой важную ступень на интеллектуальном пути мыслителя между 1914 и его смертью в 1925.

В годы перед Первой Мировой войной Гершензон заслужил себе репутацию одного из ведущих интеллектуалов России. Он получил известность как редактор «Вех» (1909), сборника статей об идейных ошибках революционной интеллигенции. Его главные монографии, «П.Я. Чаадаев: жизнь и мышление» (1908), «История молодой России» (1909), «Жизнь В.С. Печерина» (1910) и «Грибоедовская Москва» (1914) высоко ценились; его многочисленные статьи о Пушкине и других поэтах принесли ему широкое признание².

«Переписка из двух углов» появилась в переломный момент в эволюции взглядов Гершензона. В военное время он решил посвятить все силы в первую очередь философии и метафизике. Я подразумеваю под философией свободное размышление на эпистемологические темы. В том же году, что и «Переписка» Гершензона, появились его «Ключ веры» (1921) – исследование о древних евреях и их отношения к Богу, и «Гольфстрем» (1922) – эссе об Александре Пушкине и его связи с античной философией. Более того, обе эти книги вышли вслед за его сочинением, посвященным эпистемологии «Тройственный образ совершенства» (1918); им также предшествовал ряд статей, недавно собранных в однотомнике его трудов «Пальмира»³. Кроме того, деятельность Гершензона во время и после первой мировой войны включало и еврейское направление, поскольку он сотрудничал в еврейских журналах, печатавшихся на русском языке, а в 1922 году выпустил книгу «Судьбы еврейского народа», принципиально отрицавшую сионизм с позиции крайнего индивидуализма.

Чтобы понять позицию Гершензона в «Переписке», необходимо вскрыть несколько сложных и переплетенных друг с другом контекстов. В отличие от многих других интерпретаторов книги, я считаю, что позиция, занятая в этом споре Гершензоном, обретает свой основной смысл в контексте собственного развития Гершензона, а не во

---

¹ Примеры исследования «Переписки из двух углов» под углом Иванова: Robert Lewis Jackson, *Ivanov's Humanism: A Correspondence From Two Corners*, in *Viacheslav Ivanov: Poet, Critic, Philosopher*, New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1986, 346-357; Предисловие Роберта Берда (Robert Bird) к «Переписке из двух углов», Москва, Водолей, 2006, 3-42.

² Некоторые из этих статей Гершензона были собраны в его сборнике «Статьи о Пушкине» (Государственная академия художественных наук, <М.,> 1926).94

³ M. Gershenzon, *Palmyra*, ed. V. Proskurina, Tenafly, New Jersey: Hermitage, 1997.

взаимодействии его с Вячеславом Ивановым⁴. Сразу по выходе из печати книжечки «Переписки» критик Борис Шлецер заметил, что подлинный диалог в ней отсутствует:

Ведь действительная цель этой полемики, как для В. Иванова, так и для Гершензона, не в том была, чтобы переубедить противника, но в том, чтобы самому себе произвести строгий экзамен, проверить себя, распутать свои чувства и мысли, найти для них окончательную, до предела особенную форму, объяснить себе действительность, оправдать ее в случае нужды и, в случае нужды, от нее-же спастись и укрыться⁵.

Лев Шестов счел, что спор выиграл Иванов. В этом он обвинил самую якобы-эпистолярную форму книги, которая вынуждала Гершензона отвечать Иванову, а не излагать свою собственную философию⁶. И все же настоящей функцией «Переписки» для Гершензона стала возможность самовыражения. Шестов писал: «И все же десяток напечатанных в этой книжечке писем М. О. дают нам безмерно много: эти письма научают нас читать и “Ключ веры”, и “Голь<ф>стрем”. Может они научат нас читать и другие книги, трактующие о первых и последних вещах»⁷. Гершензон согласился с этим: в письме Шестову от 26 июня 1922 г. он писал, что «Переписка» неразрывно связана с «Тройственным образом совершенства»⁸.

Когда «Переписка» вышла в свет, Гершензон остался ею недоволен. Он писал Шестову 6 июня 1922 г.: «Насчет <Переписки> ты заметил тонко и верно. Тон голоса В. И. определил и мой, оттого меня коробит от этой книжки: ...начал переписку он, и стал понуждать меня ответить ему письменно. Мне было неприятно, потому что в этом есть театральность, и я был очень слаб... не было никакой охоты писать»⁹.

***

Магистральные мысли Гершензона в «Переписке» сосредоточены вокруг положения, возникшего в мире после первой мировой войны. Нельзя было и дальше изображать невинных овечек – простые, добрые люди во всех концах континента устремились убивать своих соседей. Как такое стало возможным? Анализируя собственную психику, Гершензон произносит диагноз: главная причина разрушительного устремления лежит в культуре. Он заявляет, что культура отняла у жизни подлинность и замутила непосредственное и прямое переживание действительности:

---

⁴ Исследователь Ольга Дешарт разделяет взгляд, что «Переписка» неразрывно связана с философскими сочинениями Гершензона того же периода: см. ее предисловие в кн.: V. Ivanov and M. Gershenzon, *Correspondance d'un coin à l'autre* (Lausanne: L'Age d'Homme, 1979), 35.

⁵ Б. Шлецер. Рецензия на «Переписку из двух углов». *Современные записки*, Париж. 11 (1922): 196.

⁶ Л. Шестов. «О вечной книге (Памяти М.О. Гершензона)» *Современные записки* 24 (1925): 237-45.

⁷ *Ibid.*, 14.

⁸ Письмо Гершензона Шестову, 26 June 1922, «Письма к Льву Шестову М.О. Гершензона», публ. В. Аллоя. *Минувшее* 6 (1988): 262-263.

⁹ В. Проскурина, *Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф*. С. Петербург. Алетей, 1998, 248.

Устал ли я нести непосильное бремя, или из-под спуда знаний и навыков просиял мой первозданный дух, – мне изнутри сказалось и прочно стало во мне простое чувство, такое же неоспоримое, как чувство голода или боли. ... Я знаю слишком много, и этот груз меня тяготит. Это знание не я добыл в живом опыте; оно общее и чужое, от пращуров и предков; оно соблазном доказательности проникло в мой ум и наполнило его. ... Мне мерещится, как Руссо, какое-то блаженное состояние – полной свободы и ненагруженности духа, райской беспечности.¹⁰

Гершензон настаивает, что многовековое культурное наследие Запада мешает его способности глядеть на мир как на что-то новое, первозданное, бесподобное. Вместо прямого взаимодействия с вещами выросла стена готовых, заранее заданных образов, идей и реакций. Гершензон сравнивает подлинный опыт с холодной водой с горных высот, и утверждает, что культура – это безвкусная жидкость из кухонного крана.¹¹ Она смешана с химикалиями и прошла через мириады труб. По Гершензону, культура высасывает из жизни ее суть, предлагая индивиду ценности, которые созданы не им, а приходят уже готовые для каждого без разбора. Если бы как-то можно было убрать все то, чему он научился; Гершензон восклицает, что он рад бы прыгнуть в Лету и вынырнуть совершенно свободным.¹²

И все же он представляет себе и возможность другой культуры: «Но знаю и верю, что возможны иное творчество и другая культура, не замуравливающие каждое познание в догмат, не высушивающие всякое благо в мумию и всякую ценность в фетиш.¹³ Его идеал – это обращение к прямому опыту, неподражаемому, уникальному, подлинному: «Я отдал бы все знания и мысли, вычитанные мною из книг, и впридачу еще те, что я сам сумел надстроить на них, за радость самому лично познать из опыта хоть одно первоначальное, простейшее знание, свежее, как летнее утро».¹⁴

Гершензон превозносит ценности, которые индивид открывает сам, производит сам в миг творчества. В следующем центральном фрагменте он живописует такое подлинное восприятие, вообразив, как могла бы видеть мир мать Наполеона:

Все знали, что Наполеон не родился императором. Какая-нибудь простая женщина, глядя на него из толпы во время пышного парада, могла подумать: <Теперь он – Император, почти утративший личное имя, владыка народов, – а в пленках он был ничем для мира, только дитя своей матери. – Так, стоя в музее перед знаменитой картиной, я мыслю о ней. Художник писал ее для себя, и в творчестве она была неотделима от него, – он в ней и она в нем; и вот, она вознесена на всемирный престол, как объективная ценность.¹⁵

По Гершензону, мать, которая видит в императоре не тот образ, что видят все остальные, а просто своего сына, воплощает его идею подлинности. Он также утверждает, что и картины Рафаэля были когда-то живы: это было тогда, когда они создавались. То же самое верно и для Гете, Шекспира, Пушкина – их создания неотделимы от создателей:

---

¹⁰ Вяч. И. Иванов, М.О. Гершензон. Переписка из двух углов. Петроград: Алко-ност, 1921, 25.

¹¹ Ibid., 23.

¹² Ibid.

¹³ Ibid., 27.

¹⁴ Ibid., 26-27.

¹⁵ Ibid., 34.

сущность их была жива только однажды – в момент создания. Конечный продукт: полотно, симфония или роман – это своего рода фантом; он производит впечатление духовного богатства, но на поверку оказывается пустым сосудом. Вернуть подлинность можно только одним путем – фундаментальным преобразованием сознания, его революцией:

Бедное сердце, как мать, еще любит в тиране свое порождение, но и плачет, повинувшись его безличной воле. И наступает час, когда любовь преодолевает покорность: мать свергает тирана, чтобы снова обнять в нем сына. Приходит Лютер с горячим сердцем и разрушает культ, богословие, папскую церковь, чтобы освободить из сложной системы простую личную веру; французская революция рассеивает мистику трона и ставит отдельного человека в более и близкое общение с властью. И ныне новый мятеж колеблет землю: то рвется на свободу из вековых осложнений, из чудовищной связи социальных и отвлеченных идей – личная правда труда и обладания.¹⁶

По всей видимости, Гершензон верил, что социальная революция необходима и что ее результаты принесут прямую пользу человечеству. В его прочтении истории революции всегда освобождали человечество от окаменелых, болезненных ситуаций.

В «Переписке» Иванов не соглашался с Гершензоном, потому что тот не принимал христианского гуманизма.¹⁷ Вдобавок он обвинял Гершензона в безразличии к логике, утверждая, что тот использует культуру с тем, чтобы ее же разрушить. Это противоречие отмечали и другие критики: как же это возможно, чтобы один из самых образованных и утонченных людей так беспощадно ополчился на культуру.¹⁸ Его лучший друг, философ Николай Бердяев заметил этот парадокс еще в 1915 г. в частном письме Гершензону: «Часто мне кажется, что Вы говорите: “Пустяки и выдумки все эти идеи, творчество, литература, философия, открытие и откровение и пр., и пр., все это надстройка над жизнью. Самая же существенная жизнь в элементарных человеческих чувствах, в труде, в хлебе, в самом простом.” И вы ведете борьбу с собственной сложностью, с своим эстетизмом, и своей литературностью, и своей любовью говорить об идеях. Меня возмущает, что вы почти стыдитесь того, что Вы писатель и потому, что Вы так заняты литературой.»¹⁹ Гершензон сам осознавал свою двойственность.²⁰ Он писал в

---

¹⁶ Ibid., 35.

¹⁷ В Письме Двенадцатом Гершензон пишет: “Вы сердитесь: дурной знак. В досаде на мою глухоту вы ставите меня в ряды <опрошенцев>, <непомнящих родства>, трусливых бегунов и пр., даже браните меня интеллигентом> (а себя, хитрец, изукрасили: сын земли русской, да еще ученик из Саиса!) Вас сердит больше всего, что я упрямо твержу свое <Sic volo>, а рассуждать отказываюсь.”

¹⁸ См. в особенности Renato Poggioli, “A Correspondence from Opposite Corners,” *A Book of Essays about Some Russian Writers and Their View of the Self*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957, 208-28.

¹⁹ Н. Бердяев – М. Гершензону, 7 июня 1915 (736-28-31).

²⁰ Переписка из двух углов, 48.

«Переписке»: «Кто любит, в том образ совершенства возбужден к действию: либо осуществляет себя через любимого, либо по крайней мере утверждает себя действительно через ограждение любимого; кто любим, тот лишь удостоверением любимого научен знать в себе образ совершенства».²¹

Гершензоновское отвержение культуры имело своей эпистемологической основой его философию. В противовес культуре, построенной на абстрактной рассудочности, он выдвигал целостное мышление. Лучшее изложение этой философии находится в «Тройственном образе совершенства» (1918); Гершензон описал здесь то ложное мышление, которое в ходу у человечества сегодня, на примере отношения человека к природе. Эксплуатация природы, утверждает он, может служить образчиком того, как люди относятся друг к другу. Так, дерево обретает ценность только тогда, когда оно, распиленное на доски и сколоченное гвоздями, становится письменным столом. Решение в том, чтобы индивид отказался от эксплуатации как цели. Для этого он должен осуществить свой собственный образ совершенства. Образ совершенства состоит из трех частей: совершенное видение самого себя, совершенное видение мира, и совершенное видение своего места в мире. Образ совершенства может быть реализован через любовь, которой наполняется душа. В этом случае человек возвращается в первобытное состояние, когда он впервые воспринимал мир как органическое целое. Такое видение приносит духовную полноту. Под любовью Гершензон подразумевает любовь духовную, а не эротическую, любовь, через которую индивид воспринимает другого индивида как цельного и самоцельного, а не как средство для достижения каких-то целей. Этот «холистический» подход излечивает человека от духовных ран, причиненных прежним образом мыслей. Так, воспринимая другого как субъекта, ты и сам становишься целостным. «Любовь есть полярная противоположность культуры, потому что любить значит как раз целостно воспринимать чужую личность. Этот образ любимого, запечатленный в тебе, образ его живого единства, – он твой, только твой: утверждая его, ты утверждаешь целостное своеобразие твоей собственной личности».²²

В «Тройственном образе совершенства» Гершензон полагает, что он открыл новый способ мышления, основанный на целостном восприятии и нацеленный на неизменный идеал. Тройственный образ совершенства должен играть роль духовного компаса, ведущего человека к новой эпистемологии, которая исцелит его душу. В его представлении проблема человечества – она же и причина войны – состоит в том, что люди мыслят аналитично, безлично, не чувствуя. Человечество должно вернуться к тому времени в истории, когда каждый индивид знал о целостности жизни, когда царил другая эпистемология, вместо мысленного расчленения вещи на части аналитическим рассудком требующая от индивида интуитивного постижения, помогающего понять себя и мир.

---

²¹ Ibid., 65.

²² Ibid., 75.

Хотя большевистская революция упоминается в «Переписке из двух углов» считанное количество раз, она несомненно является главной темой книги. Иванов яростно выступал против Октябрьского путча. Характерно, что, в отличие от него, Гершензон поддержал большевиков, участвуя в массовых шествиях их сторонников по улицам Москвы²³.

Даже в июне 1920 года Гершензон не только не критиковал революцию, но и продолжал мечтать, что она может оказаться путем к прогрессу, к высшим устремлениям и целям человечества. В «Переписке» он осторожно оставляет открытой возможность того, что русский пролетариат поставит себе целью добиться духовных достижений и поведет человечество по новому и лучшему пути.²⁴

Мы наблюдаем только, как пролетариат берет в свои руки из рук немногих накопленные ценности. Но мы совсем не знаем, ни что он видит в этих ценностях, ни зачем он овладевает ими. Быть может, он видит в них только орудие своего векового порабощения, и ему нужно не владеть ими, а только вырвать их из рук поработителя? Или, может быть, за долгие годы просветительства он поверил самохвальству культуры и мнит обогатиться ее ценностями; но кто знает? Взяв их в руки и разглядев, он, может быть, увидит, что кроме цепей да мусора в них нет ничего, и с досадой разочарования бросит их прочь и начнет создавать другие новые ценности. А может быть и то: поднимет их полной верой на рамена свои и понесет дальше, добросовестно примет <преемство культуры>, но в пользовании старыми ценностями бессознательно будет пропитывать их новым духом, и на протяжении недолгого даже времени они молекулярно так переродятся, что нельзя будет их узнать.²⁵

Само собой разумеется, что гершензоновская идея революции мало походила на большевистскую. Он не одобрял ленинского подавления политических противников, замены законов военными трибуналами и экспроприации частной собственности. И в то же время Гершензон симпатизировал большевикам, потому что только они, как ему казалось, предлагали радикально иное будущее. Видя в большевиках современных Дон Кихотов, Гершензон скорее предпочел бы их неудачную попытку настоящих перемен полуискренним или невыполненным обещаниям других. В частном письме к журналисту Ивану Жилкину он объяснял:

Во мне оно (кадетство – *Б.Г.*) возбуждает гораздо более враждебное чувство, чем даже большевизм, потому что большевики горячи и часто свято-искренны, а кадеты холодны, корректны, расчетливы. Большевизм вообще замечательное явление (я хочу сказать – максимализм в нашей революции, ее утопизм). Для меня ясно, что революция терпит крушение, но не менее того я уверен, что потомки скажут: причины, вследствие которых русская революция не удалась, или мало удалась, – были прекраснейшим в ней, как Дон Кихот, сумасшедший, был без сомнения лучший человек в Испании. Я предпочитаю такую неудачу, – от утопизма – которая оставит навеки семена великих запасов<,> кадетской удаче, какой хочет и наверное достиг бы Милюков²⁶.

---

²³ Н.М. Гершензон-Чегодаева. Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Гершензона). Москва: Захаров, 2000, 72.

²⁴ Параллель с позицией Блока здесь самоочевидна.

²⁵ Переписка из двух углов, 66.

²⁶ М. Гершензон – И.В. Жилкину. 1 августа 1917. Фонд Жилкина в РГАЛИ (Фонд 200, оп. 1, ед. хр. 18)

Вполне естественно, что позиция Гершензона в 1917 г. и позже, в «Переписке из двух углов», шокировала его друзей. В отличие от чуть ли не всего интеллектуального сообщества, к которому он принадлежал – от Бердяева, Булгакова, Шестова, Ремизова, Ходасевича – Гершензон один верил большевикам. На деле на него смотрели как на предателя, хотя, по правде говоря, к 1922 г. у него, вероятно, уже не оставалось почти никаких иллюзий. В письме 1922 г. к Шестову он описывает свою позицию так: «Для тебя же, только для тебя, повторяю, что уже писал тебе: к советской власти я имел столько же отношений, сколько раньше – к царской, т.е. абсолютно никаких; ходил и к Каменеву, и к Луначарскому хлопотать за других, как и ты пошел бы, как ходили Бердяев и др., сам же ни на йоту не заискивал, ничем не попользовался, ничего вслух, т.е. публично сколько-нибудь не одобрял и не осуждал, жил замуровавшись вполне. В результате – в Москве Покровский третирует меня как белогвардейца и Фриче говорит мне: Вы – враг, а в Париже Вишняк знает, что я защищал цензуру, и верит этому. Пусть меня судят по моим писаниям и моей жизни, а не по сплетням и ней».²⁷

***

Еврейская тема затрагивается в «Переписке из двух углов» по разнообразным поводам. Однако, наибольшее внимание в этой связи привлекает автобиографическое заявление Гершензона о том, что он всегда чувствовал себя в России иностранцем. В своем последнем послании, письме двенадцатом, Гершензон пишет: «Я живу, подобно чужеземцу, освоившемуся в чужой стране; любим туземцами и сам их люблю, ревностно тружусь для их блага, болею их болью и радуюсь их радостью, но и знаю себя чужим, тайно грущу о полях моей родины, о ее иной весне, о запахе ее цветов и говоре ее женщин. Где моя родина? Я не увижу ее, умру на чужбине».²⁸

Хотя для удобства можно было бы отнести к его мечтаниям как к надеждам еврея обрести родину, сионистом он решительно не был, хотя, очевидно, дружил со многими сионистами.²⁹ О таких симпатиях свидетельствует его участие в ряде сионистских изданий, выходящих в годы первой мировой войны.³⁰ Например, Гершензон участвовал в сборнике под названием «При свете войны», 1916; в специальном выпуске «Еврейской жизни», посвященном двадцатипятилетию литературной деятельности Хаима Нахмана Бялика (1916); он написал предисловие к собранию новой поэзии на иврите в русских переводах: «Еврейская антология: сборник молодой еврейской поэзии» (1916): все эти три издания субсидировались сторонниками сионизма. Хотя в этих статьях Гершензон выразил положительное отношение к сионизму, он уже в 1922 году сменил свое мнение на диаметрально противоположное в своей книге «Судьбы еврейского народа», где остро критиковал сионизм как пример более общего зла, национализма.

По правде говоря, никого бы не удивило, если бы Гершензон и поддержал сионизм: многие люди, вовсе не заинтересованные в переезде в Палестину, все же поддерживали саму идею. Ведь Гершензон и был рассержен тем, как обходились с евреями в России, и чувствовал эмоциональное родство с другими евреями, страдавшими, как и сам он, от гнета царизма. Ведь в юности Гершензон хотел стать профессором, но ему предложили

---

²⁷ М. Гершензон – Л. Шестову. 13 января 1923, «Письма к Льву Шестову...», 277.

²⁸ Переписка из двух углов, 66.

²⁹ Об отношении Гершензона к еврейской культуре см. статью: Brian Horowitz. “Mikhail Gershenzon: A Jew in the Russian Elite,” *Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in Late 19th- and Early 20th-Century Russia*, Bloomington, IN: Slavica, 2009, 214-28.

³⁰ См. статью: Brian Horowitz. “Russian-Zionist Cultural Cooperation, 1916-18: Leib Jaffe and the Russian Intelligentsia,” *Empire Jews*, 65-86.

эту должность при одном условии: он должен был креститься. Гершензон отказался. К этому стоит добавить, что он не мог жениться на своей будущей жене, Марии Борисовне Гольденвейзер, потому что она была православной. Они оставались неженатыми лет десять, пока она не перешла в протестантизм и смогла выйти замуж за еврея.³¹ За те десятилетия, что он прожил в Москве, Гершензон хорошо изучил систему подкупа полиции и сумел устроить, чтобы его мать приехала навестить его. Однако, подобные обиды на несправедливость вовсе не толкали его любить сионизм или еврейский социализм. Хотя он так и не крестился, в эти годы он невысоко ценил иудаизм как религию и не чувствовал нужды слиться с еврейским народом.

Однако, в годы первой мировой войны то же умонастроение, что вызвало к жизни «Тройственный образ совершенства» и «Переписку из двух углов», вдохновило и ряд его статей о иудаизме. В статье, названной «Народ, испытываемый огнем», Гершензон, как кажется, выражает веру в еврейский мессианизм.³² В подобном же приступе национального чувства он написал целую книгу о древних евреях «Ключ веры». Хотя эта книга сложно написана, главный посыл ее тот, что идя наперекор Господней воле, древние евреи поставили себя под угрозу. И хотя Гершензон пишет с критической позиции, он высказывает уважение к древним евреям как первым носителям идеально целостного мироощущения. Он пользуется непривычно сложным понятийным аппаратом для постановки своих метафизических вопросов, но его отношение к так называемому «еврейскому вопросу» в России относительно просто: он поддерживает идею интеграции. В его письмах и в образе жизни чувствуется, что он одобрял еврейскую ассимиляцию. В письме к Василию Розанову – автору, отрицательно относившемуся к российским евреям, потребовавшему от Гершензона объяснить свою позицию, историк изложил свой взгляд на роль евреев в России:

Я не скрываю от себя, что мой еврейский дух вносит чрез мое писательство инородный элемент в русское сознание, напротив, я это ясно сознаю: иначе не может быть. Но я думаю, что жизнь всякого большого и сильного народа, каков и русский народ, совершается так глубоко-самобытно и неотвратимо, что сдвинуть ее с ее рокового пути даже на пядь не способны не только экономическое или литературное вмешательство евреев, засилие немцев и пр., но даже крупные исторические события – 1612, 1812, 1905 гг., исключая разве величайших, вроде древних завоеваний. Это – как доменная печь: что ни бросить в нее, либо сгорит, и значит ускорит выплавку, либо улучшит качество металла. Все это – и участие евреев, и все подобное вообще – ничтожно по количеству сравнительно с самой народной жизнью: посторонняя примесь может стать опасной для народа, только если она количественно подавляет его, как это случилось по завоевании Англии норманнами; но это уже и есть одно из тех величайших исторических событий, в которых – перст Божий!

---

³¹ См. А.Б. Гольденвейзер. «Воспоминания» (находятся в Музее Гольденвейзера в Москве). Цит. в докторской диссертации Брайана Горовица: В. Horowitz. "M. O. Gershenzon and Intellectual Life of Russia's Silver Age," Berkeley, 1993, 469.

³² «Родится ли новый миф в стране изгнания, в тот час, когда гнет, угнетающий нас, станет окончательно-невыносимым? Есть певучесть в последней скорби, и безутешное рыдание всегда певуче; есть острая жизненность на дне скорбей. Вот в Бялике уже запела, впервые после Иегуды Галеви, душа еврейского народа, – песнь нездешняя, песнь ангельски-земная! Не предвещает ли она возрождение еврейской души? Или правда то, что только почва Палестины может родить еврейству новый творческий мир? – Не знаю; но твердо верю, что жив народ в летаргическом сне и в урочный час проснется». М. Гершензон. «Народ, испытываемый огнем», Еврейская неделя, 1 (3 января), (1916), 28.

Я думаю дальше, что всякое усилие духа идет на пользу людям, каково бы оно ни было по содержанию или форме: благочестивое или еретическое, национальное или нет, если только оно истинно-духовно; постольку же идет на пользу русскому народу всякое честное писательство еврея, латыша или грузина на русском языке. Больше того: я думаю, что такая инородная примесь именно <улучшает качество металла>, потому что еврей или латыш, воспринимая мир по-особенному — по-еврейски или по-латышски, — поворачивает вещи к обществу такой стороной, с какой оно само не привыкло их видеть. — Вот почему, сознавая себя евреем, я тем не менее позволяю себе писать по-русски о русских вещах. Это — сознательно, т.е. так я в мыслях, назад и вперед, оправдываю свою работу.³³

Ключ к пониманию этого фрагмента не только в том, что русские впитают еврейский элемент и станут сильнее. Идет неумолимый процесс, который никакой отдельный человек не может ни остановить, ни контролировать. Гершензон верит в некий универсальный фатализм («космическую силу») и обращал мало внимания на привычные различия между народами и нациями. В то же время, говоря о «руке Господней» и о том, что «примеси укрепляют расу», Гершензон опровергал мнения Рихарда Вагнера и Розанова о том, что евреи опасны для местных культур. Из этого взгляда естественно вытекал космополитизм, и Гершензона, очевидно, манил идеал космополитического слияния культур и людей.

Несмотря на то, что по крайней мере один ученый желал бы возвести философские идеи Гершензона к еврейской традиции, я не вижу такого еврейского источника. Его отвержение культуры, его тяга к новому примитивизму и его идиосинкразия к рассудочности имеют мало общего с еврейской традицией. Хотя Гершензон не был евреем-самоненавистником, но он не был и религиозным евреем. Более того: среди множества аллюзий в «Переписке» трудно найти хотя бы одну, относящуюся к еврейской традиции. Евреи и еврейская традиция, кажется, играли весомую роль в его мышлении — но роль прикладную: он приписывал им идеи, близкие ему самому.

***

Позиция Гершензона в «Переписке» очень сложна не только потому, что диалогическая форма мешала прямому выражению мыслей, но и потому, что сами его идеи были трудны, странны и непривычны. То, что выражал он их аллегорически и с помощью исторических примеров, не всегда делало их яснее. Более того, многие другие философские тексты Гершензона тогда еще не были опубликованы, а некоторые появились в печати только в последнее десятилетие³⁴. Те немногие исследователи, которые изучали философские труды Гершензона, поражались тому, что автор не признавал факт влияния на себя Льва Толстого. На деле, многие идеи, которые Гершензон утверждает как свои собственные, звучат эхом идей Толстого, в особенности идея культуры как экрана, закрывающего от индивида то, что истинно и важно.³⁵

---

³³ М. Гершензон — В. Розанову, 18 января 1912. «Переписка В.В. Розанова и М.О. Гершензона. Новый мир, 3 (1991), 228.

³⁴ См. В. Проскурина. Течение Гольфстрема. Исследователям интересно будет также ознакомиться с фондом М.О. Гершензона (Ф.746) в Рукописном отделе РГБ в Москве.

³⁵ N.P. Poltoratzky, «Lev Tolstoy and Vekhi,» *Slavonic and East European Review* 42, 99 (1964): 332-52.

Хотя в «Переписке» и упоминается Ницше, Гершензон отрицал, что он его последователь. Однако Георгий Флоровский критиковал Гершензона за безразличие к религии и религиозным чувствам, он находил в гершензоновских жалобах на культуру сходство с языческим разочарованием³⁶. Исследователь Гершензона Вера Проскурина считает, что Гершензон был современным «гностиком», с дуалистическим взглядом на мир, состоящий из мира сего и мира иного, более совершенного.³⁷

Я полагаю, что философия Гершензона имеет много общего с идеями славянофилов.³⁸ Утверждая существование «космической силы», которая устремляет все к единству, он также заявлял, что этот «космический» императив парадоксально приводит к усилению индивидуальности. Подобно славянофильскому понятию «соборности», космическое единство требует подчинения индивидуального и в то же время находит неприемлемым какое бы ни было принуждение. Оба эти понятия сочетают принципы коллективной целостности и индивидуальной свободы. Для Гершензона важнее всего поиск духовной целостности, и поэтому должно заняться устранением всех преград на пути к ее осуществлению. Культура, быть может, важнейшая из этих преград, и ее необходимо преодолеть и преобразить.

Моя критика философских взглядов Гершензона направлена прежде всего на его метафизическую наивность. В его философской позиции столько не хватает, что, кажется, невозможно усмотреть в ней практическую программу. Какова роль общества, общественных институтов, экономики и политики по отношению к космической силе? Хотя он мог бы ответить, что ненавидит иерархии, потому что они сковывают индивидуальность, все же непонятно, какова была бы судьба общества, если бы все вдруг зажили по идеям Гершензона. Далее, как бы могла существовать терпимость? Ведь не всякий согласился бы подчинить индивидуальную волю требованиям целого? Что же делало бы целое с этими придурками? Гершензона такие мелочи не заботят. У него не обсуждаются возможные последствия его предложений для общества, и это не может не встревожить ответственного критика.

---

³⁶ Г. Флоровский. Рецензия на «Переписку из двух углов», Русская мысль (Париж), 4 (1922): 138-139.

³⁷ V. Proskurina in *Pal'mira* by M. Gershenzon, Tenefly, NJ: Hermitage Publishers, 1997, 6.

³⁸ В. Horowitz, диссертация, 206-30.

В 1922 г. врачи поставили Гершензону диагноз: туберкулез. Он выехал на лечение в Германию вместе с семьей, чтобы там решать, возвращаться ли в Советскую Россию или оставаться в эмиграции. В годы гражданской войны в Москве он перенес тяжелые лишения – голод, холод и нищету. И хотя мы ничего не знаем о личной, скрытой стороне его решения (и вряд ли уже узнаем), Гершензон, по свидетельству его дочери Наталии Гершензон-Чегодаевой, послушался своих детей и вернулся в Россию.³⁹ Как видно, он чувствовал, что его долг – участвовать в построении будущего России, и сомневался, имеет ли что сказать эмиграции.⁴⁰ Немаловажно, что в то же самое время и Вячеслав Иванов непримиримо разошелся с новым режимом и должен был покинуть Россию, чтобы выжить.

Идеи Гершензона не были враждебны советскому государству. В 1923 г. ему разрешили вернуться и дали работу в ГАХН – Государственной академии художественных наук. Два года спустя, в возрасте 56 лет, он умер от инфаркта.

Позиция, которую изложил Гершензон в «Переписке из двух углов», в истории русской культуры не уникальна. Она откликалась на ряд текстов элитных авторов, критически осмысляющих свою жизнь и работу и проповедующих возврат к природе, к *tabula rasa*. Это религиозные тексты Толстого, кое-что из журналистики Достоевского (особенно из «Дневника писателя»), «Опавшие листья» Розанова и «Интеллигенция и революция» Александра Блока. Таким образом, позиция Гершензона в споре с Ивановым в «Переписке» развивает одно из главных мыслительных направлений русской интеллигенции – противление царящим общественным нормам, романтизацию чувств («подумайте о русском мужике...») и стремление к коллективным решениям (в текстах Гершензона они всегда совпадают с индивидуальными интересами). В этом смысле «сторона Гершензона» примыкает к широкому контексту русской философии и помогает понять его идеи и его интеллектуальную эволюцию.

³⁹ Гершензон-Чегодаева, Первые шаги..., 185.

⁴⁰ Ibid., 228-29.108